

Елена НАУМОВА

г. Вятка

СОКРАЩЕННЫЕ

Маленькая повесть

Телефон трезвонил так, что Ларисе показалось, будто ее испуганное сердце раскололось надвое. Звонок чем-то напомнил резкий сигнал будильника в те времена, когда она еще работала, когда каждый вечер ставила стрелки на шесть утра.

Лариса подняла голову и непроизвольно посмотрела на часы. Был полдень. Телефон неумолимо и резко напоминал о себе.

— Да! — выдохнула полусонная Лариса.

— Лар, — в трубке раздался знакомый голос подруги.

— Ну, что тебе? — понемногу просыпаясь, спросила женщина.

— Лар, ты сидишь или стоишь? — любопытствовала Галина.

— Лежу, — усмехнулась Лариса.

— Тогда хорошо, тогда не упадешь.

— А что случилось?

— Случилось... — выдержав паузу и понизив голос, она торжественно произнесла, — п р и е х а л.

— Кто? — замирая от догадки и пытаясь унять внезапную дрожь, которая начала сотрясать все тело, словно к нему подключили электричество, — прошептала Лариса.

— Кто-кто, Олег Верстов приехал.

И, уже не сдерживая возбуждения, Галина почти закричала в ухо обескураженной подруги: — Весь такой навороченный, на белой иномарке! Ну, в общем, ни дать ни взять новый русский. Упакован с ног до головы. Машина набита подарками. А когда пришел ко мне, я чуть об косяк не треснулась. Едва узнала. Хоть и постарел, но выглядит круто.

«Поехали, — говорит, — к Лариске. Решил сначала к тебе, чтоб с предупреждением, а то мало ли что — все-таки пятнадцать лет не виделись...» Хорошо, что м о е г о дома не было, а то ты же знаешь, какой он!

Я Олегу говорю: — Ты пока отъезди за угол, подожди. Здесь все друг друга знают — сплетен не оберешься. Да и муж у меня ревнивый — афганец, контуженый, и все такое... Увидит, разбираться не будет.

Короче, выпроводила его и сразу тебе

звоню. Приводи себя в божеский вид. Полчаса тебе на все про все.

— Погоди-погоди, — перебила подругу Лариса, — с чего ты взяла, что я хочу его видеть?!

— А чего зубы-то стучат? Не бойсь! Все будет о'кей! — настроенная весело провести время, трещала Галина.

— Ну не через полчаса, — взмолилась Лариса, — хотя бы через час.

— Нет. Сорок минут. Все! — отрезала подруга. — Время пошло!

«Боже мой, боже мой», — Лариса вскочила с постели, подошла к зеркалу и мучительно, как от зубной боли, застонала. Обвела комнату тоскливым взглядом и решила: «Ни за что! Не откорою — и все!»

Но в следующую минуту она, обливаясь потом, уже мыла, чистила, натирала: «... хотя бы гостиную. Детскую закрою — там не успеть». Затем, переведя дыхание, принялась за кухню — убрала со стола, перемыла посуду...

Когда с уборкой было покончено, Лариса взглянула на часы, оставалось двадцать минут. Забравшись в ванную, она включила холодную воду; охая и ахая, постояла под ледяной струей минуты три. Выскочила, обтирая тело вафельным полотенцем. Голова заработала лучше. Распахнула шкаф, вытащила новое платье, которое надевала только в новогоднюю ночь, туфли (пусть не новые, но еще ничего). Снова подскочила к зеркалу, приводя в порядок волосы...

Когда все было готово, она критически осмотрела себя, мазнула за мочками ушей какими-то старыми терпкими духами. Оставалось еще пять минут. Быстренько сварив кофе, она отдышалась и даже успела сделать три маленьких глоточка.

В дверь позвонили. Лариса замерла и, дождавшись второго звонка, на ватных ногах пошла открывать.

Подъезжая к знакомому городку, Олег вначале направился по центральной улице, потом неожиданно сбавил скорость, потом вообще притормозил. Сердце громко стучало. Вся решительность куда-то испарилась. Он выключил мотор, вытащил пачку «Парламента», с трудом выковыряв сигарету, закурил.

«Нужно что-то придумать. Нельзя же так, сразу...»

Тут он вспомнил Галку, Ларисину неизменную подругу. Вспомнил даже, где она живет. Недокурив сигареты, он развернул машину и по тихим улочкам направился на окраину городка. Найдя дом, он с минуту сомневался — второй или третий подъезд... Наконец, решив, что второй, вылез из машины, смущая своей «косухой» местных подростков.

— Во, крутой! — не скрывая ликования, шепталась прыщавая недоросль.

Топтаться было небезопасно, и, заперев машину, он уверенно вошел в подъезд.

Всего через несколько минут, заехав в глухую подворотню, чтобы «не светиться», Олег уже кое-что знал от общительной Галки о своей первой любви. Словоохотливая подруга рассказывала, в основном, о Ларискиной дочке, о сокращении на работе. Потом ее понесло в другую сторону, и она начала жаловаться-хвастаться мужем, «который хоть и пьет, и бьет, но работает, и вообще хоть существует». Это был прозрачный намек на безрадостное Ларискино существование. Повествуя о себе, любимой, она не забывала выпросить Олега и про его житье-бытье.

— А ты-то как?

— Да так, бизнесом занимаюсь, — скупко отвечал тот.

— Машина у тебя — что надо! И прикид... Много зарабатываешь?

— Хватает.

— Н-да, повезло кому-то. Женат, небось? Дети есть?

— Разведен, — сухо ответил надоедливой спутнице неожиданный гость.

Поняв, что много из него не вытянуть, Галина, обернувшись на заднее сиденье, с восторгом начала разглядывать большие и маленькие корочки, свертки и пакеты.

— Да-а, — только и протянула она, притихнув, распечатывая «Балканскую звезду».

— На! Не травись, — протянул ей Олег пачку «Парламента».

Последние минуты перед волнующей встречей невольные заговорщики провели молча. Развернув машину, Олег направился к крупнопанельному четырехэтажному дому. Поднявшись на верхний этаж старого здания, он вдрут

остановился на лестничной клетке, опустил огромные сумки на пол и, переведя дыхание, спросил: — Что, постарел?

— Д-да нет, — пряча глаза, ответила Галина.

— Что нет-то, что нет... — строго оборвал ее Олег, вытирая со лба пот. — Пятнадцать лет прошло!

— Да не постарел ты! Возмужал, крепче стал, солиднее, что ли, — старательно подбирала слова Галина.

— Ладно. Пошли.

Он поднапрягся, поднял нагруженные до отказа сумки, и они двинулись к заветной двери.

Дверь открылась не сразу. После второго звонка.

— Привет, — тихо произнесла хозяйка.

— Привет, — глухо, словно эхом, отозвался Олег.

— Ну вот, мы и прибыли, — затарахтела Галина, — чего нас за порогом держишь.

— Проходите, — сдержанно пригласила Лариса и пропустила гостей в переднюю.

В большой комнате Олег долго возился с одной из сумок — заела молния. Наконец конструкция дрогнула, и перед глазами измученных подруг на свет божий был извлечен слегка помятый, но не потерявший прелести букет бордовых роз.

— Это тебе, — побагровел то ли от смущения, то ли от продолжительного сидения на корточках Олег.

— Ух ты, красотища! — Галка тут же упорхнула на кухню искать подходящую вазу. Но вазы не нашлось, пришлось водружать цветы в трехлитровую банку из-под томатного сока.

— Так даже красивее, — подбодрила всех жизнедеятельная Галина, торжественно ставя цветы на стол в большой комнате.

Гость открыл вторую сумку и начал выкладывать содержимое: баночки икры, мидий, палки копченостей и еще, и еще — фрукты-овощи, и все в таком духе. Когда, наконец, перед женщинами встали в ряд несколько бутылок шампанского, мартини и дорогой водки в удивительного вида бутылках, типа ружья и женского сапожка, Галина толкнула в бок подругу.

— Это что, гуманитарная помощь? — съязвила слегка задетая Лариса.

Все это время она разглядывала Олега, отмечая разительные перемены. Не ускользнули от ее взгляда и дорогая куртка, и шикарная рубашка, и модные брюки, но самым неотразимым были, пожалуй, саламандровые полуботинки...

— Ну что ты! Это так — за встречу, — сосредоточившись на шампанском, произнес Олег.

А Галина уже хлопотала: нарезала тоненькими ломтиками сыр, колбасу, крошила овощи, сдабривая их отменным салатом...

— Вот чего не привез, так это картошки, — улыбнулся Олег.

— Этого добра пока что у нас хватает, — кивнули женщины.

И уже через несколько минут крупный розоватый картофель доходил до нужной кондиции в большой эмалированной кастрюле.

— Чтобы было вкуснее, в водичку нужно добавить лаврового листа, перца-горошка и две дольки чеснока, — совсем как ведущий «Смака», поделился кулинарными познаниями щедрый гость.

Подруги переглянулись, заулыбались.

— Жена научила? — спросила Лариса, пробуя вилкой картошку.

— Жизнь, — усмехнулся Олег.

Он уже немножко пообвыкся, но все-таки его не оставляло ощущение, что эта раздобревшая женщина скорее всего помолодевшая мать его любимой девчонки. На пороге у него едва не вырвалось: — А Лариса дома?

К тому же дверь маленькой Ларискиной комнаты отчего-то была наглухо закрыта, и Олег то и дело ловил себя на мысли, что вот сейчас она распахнется и оттуда выпорхнет легкая тоненькая девочка и зацелует его своими огромными сияющими глазами. Но время шло, а подле него хлопотали только немолчающая Галина да вторая — медлительная, с серым измученным взглядом женщина. Олег старался не смотреть в ее сторону, и когда, наконец, сели за стол, он с преувеличенным усердием начал откупоривать бутылку шампанского.

Пробка не выстрелила весело в потолок, и бутылка не облилась белой шипучей пеной — операцию Олег проделал аккуратно. После легкого хлопка из горлышка заструился только легкий парок.

— Фужеры! — изображая веселье, крикнул он.

Фужеров в доме не оказалось, были только пятидесятиграммовые стопки.

— Да ладно, чего там, — не выдержала Галка, — разливай сразу водку, все равно на нее перейдем, а с шампанским «северное сияние» получится — потом голова трещать будет.

Незадачливый ухажер вставил в горлышко аккуратненько белую пробочку и в сердцах так саданул по ней ладонью, что она вошла в бутылку по самую головку. Он отставил невостребованную роскошь в сторону, отвинтил крышечку с водочной бутылки, и со словами «за встречу!» все трое чокнулись и сосредоточенно выпили. Посмотрев на порозовевшие лица подруг, Олег понял, что нужно немедленно повторить.

— Ну, еще раз за встречу!

После третьей жить стало гораздо веселей. Олег уже не прятал глаза, понемногу он начал узнавать в тучной, немногословной женщине прежнюю Лариску. Закрытая маленькая комната все еще притягивала Олега, и он, догадавшись (нетрудно было догадаться, что это «детская»), спросил: — А где дочь?

Хозяйка метнула недобрый взгляд на Галину — «успела, разболтала...». Та, с полным ртом сервелата, отчаянно замотала головой.

— У бабки с дедом, где же еще. У них пенсия хоть и небольшая, но деньги приносят вовремя. Вот и живет в выходные дни у них, — нехотя объяснила Лариса.

— А ты?

— А что я... Беру заказы на дом. Шью.

— Работать-то негде, — перебила, наконец справившись с куском колбасы, Галка. — На заводе сокращения. Выдают нам из центра занятости копейки, и то не всегда в срок. Вот хорошо у меня Николай работает... — тут Галка прикусила язык и, чтоб как-то загладить перед подругой очередную бестактность, набросилась на мидии. — Ой, что это? Рыбка такая или рачки? Ни разу не пробовала, — и, зачерпнув ложкой несколько мидий, покачала от удовольствия головой: — Вку-усно!

Неловкую паузу прервал угрожающий звонок в дверь. Все трое насторожились. Испуганная Галка выскочила из-за стола: — Это за мной!

...В квартиру вошел крепкий мужчина — ро-

весник Олега, глаза его хмуро поблескивали. Он осмотрел стол, заваленный дорогими закусками, хмыкнул на букет роз и устался на незнакомого нувориша: — Гуляем?

— Это мой муж. Николаша, — залепетала перепуганная Галина.

— Знакомся, Коля, это Олег, это ко мне... — не совсем уверенно произнесла хозяйка.

— К тебе, говоришь... А что же он около часу прятался по подворотням с моей женой на своей тачке, а?!

Вопрос был обращен больше к Олегу. Тот встал, готовый объясниться, но не успел сделать и шага, как получил удар в подбородок. Чертыхнувшись, Олег едва удержался на ногах и в следующую секунду выхватил из куртки пистолет:

— Стоять!

Из его губы текла кровь. Николай исподлобья смотрел в дуло направленного на него оружия. Было видно, как вся его резвость испаряется в прямом смысле слова — он покрывался испариной. Николай хотел смахнуть капли пота со лба, но Олег уже более спокойным тоном приказал:

— Сядь. Руки на колени.

Тот послушно опустился на стул. Было слышно, как за окном проехала какая-то машина.

— Я вот ее, засранку, ищу целый день, — нарушил тишину, пытаясь оправдаться, ревнивый муж, — а мне говорят — с мужиком уехала, с навороченным таким, на белой тачке... Что, потвоему, я должен делать?

— Дурень! — приходя в себя, заорала Галка, — да это же Олег Верстов. Ларискина первая любовь. Я тебе сто раз рассказывала. А ко мне он заехал, чтоб я ее предупредила, что он здесь... Ну, чтоб не с налета-поворота. Понимаешь?!

Олег опустил пистолет, сел за стол, вытер салфеткой окровавленную губу и попросил у Ларисы еще одну рюмку.

— Пей! — приказал он здоровяку.

— А ты? А вы?.. — Николай обвел всех испытывающим взглядом.

— Пей. Штрафная.

Николай запрокинул голову, со знанием дела влил в щетинистое горло водку и осторожно подцепил вилкой тоненький кусочек сыра.

Олег положил пистолет на край стола и начал разливать водку остальным. В этот момент Николай рванулся с места, схватил ору-

жие и направил на Олега, который почти не среагировал на такую прыть. Николай, направив дуло на цветок с геранью, нажал несколько раз на курок. Галина закричала. Лариса закрыла лицо руками. Олег усмехнулся и спокойно сел на свое место. Над дулом пистолета несколько раз ласково полыхнуло небольшое пламя. Глаза у Николая округлились, он опустился на стул и снова как замороженный щелкнул курком.

— Не трать патроны, — Олег взял у него игрушку и прикурил. — Нравится?

— Угу, — забыв обо всем на свете, кивнул Николай.

— Дарю!

— Спасибо, — снова благодарно кивнул он и улыбнулся. Улыбка его оказалась светлой и даже по-детски наивной.

Теперь уже выпили за знакомство. Галина, почуввав, что настало ее время, вырвала из рук мужа зажигалку и пододвинула закуску:

— Ешь, говорю. Хватит дурачиться!

— А я что? Я ем, — Николаша подчинился ей, как ребенок.

— Вот он всегда такой, — оправдывалась Галина, — все по дурости, да по глупости...

Лариса молчала.

— Ладно, ребята, забыли. Значит, Николай? — снова обратился Олег к нерадивому гостю. — Где работаешь-то, Николай?

— Да как сказать — везде понемногу. Могу слесарем, могу грузчиком... Где попросят. Завод-то наш прикрыли, вот и крутимся кто как может.

— Служил ты, я слышал, в Афгане?

— Ну, служил, — снова насупилсь едва успокоившийся Николай.

Галина начала знаками показывать Олегу, что не надо, не любит он эту тему...

— Ну, служил, ну и что, — награды имею, а денег таких, как ты, не имею, — вызывающе посмотрел он на нового знакомого, и в глазах его опять зажглись недобрые искры.

— Дети-то есть? — попытался переменить тему Олег, но увидев, что Галина делает ему «страшные глаза», понял, что не переменял.

— Дети?! — подскочил словно ужаленный Николай. — Есть! Сын Витька... В Чечне воюет. Понял?!

— Ну, что ж, Виктор — значит победитель.

— Победитель? А кого там, на хер, побеждать! Это их земля! Да и не боец он, не в меня пошел, в мать — маленький, хрупкий. В музыкальную школу все ходил, понял?! Теперь вот полгода от него ни слуху ни духу, понял! Все из-за вас, гадов! Разворовали, распродали Россию! Все вам мало... Детей давай под пули подставлять...

Николай, побагровев, поднялся и, уже снова сжав кулаки, двинулся на ненавистного новорусского. Они, как два петуха перед боем, сошлись, напирая друг на друга, и если бы не женщины...

— Ну-ка! — оттащила своего Галина, — хватит! — она схватила со стола бутылку и увлекла мужа на кухню.

Лариса прижалась к Олегу, обхватив его за шею, и тоже теснила в глубь комнаты. Ощувив ее ладони, он вдруг все вспомнил, и холодная, как град, горошина сначала застряла у него в горле, потом прокатилась по сердцу и замерла где-то под ним.

— Сейчас Галина его успокоит. Напоит. Когда он напивается, добрым становится, как ни странно. Покладистым. Это он трезвый злой, как Горгона. А напьется — плачет...

— Лучше спой что-нибудь, — Лариса достала зачехленный инструмент, извлекла на свет гитару. — Твоя. Помнишь? Никто больше не трогал. Я храню.

Олег присел, осторожно коснулся струн, тихонько настроил их на нужный лад и запел:

Синий-синий иней лег на провода.

В небе темно-синем синяя звезда —

подхватила Лариса, и они окончательно признали друг в друге себя тех, прежних — молодых и влюбленных...

О-о-о-о,

Только в небе,

В небе темно-синем, —

показалась из кухни лысеющая голова Николая. Затем он вывалился весь, пьяный, с добрыми посветлевшими глазами, и как ни в чем не бывало присоединился к дружному дуэту.

Песни пропели почти до утра. Вспомнили все

из 70—80-х годов, вплоть до дворовых, типа «Помню, помню мальчик я босой...».

— Спой из «Шербурских зонтиков», — попросил слегка охрипший от непривычно долгого пения Олег.

— Ни к чему это теперь, — Лариса грустно покачала головой, — да и поздно уже, вернее рано — утро настает.

— Завтра, то есть уже сегодня, — торжественно объявил Олег, откладывая растерзанную гитару и растирая измозоленные струнами пальцы, — отсыпаемся и идем в ресторан.

— Идем! — пьяно тряхнул головой Николай. Он действительно оказался сентиментальным — слушая песни, то и дело ронял слезу и голову на плечо жены.

Прощаясь, он протянул свою изработанную мозолистую ладонь Олегу, пожал ее со словами: — А ты хар-р-роший мужик, оказывается! — Засунул зажигалку поглубже в карман брюк, и гости отбыли восвояси.

Лариса закрыла за ними дверь, с минуту помолчала, затем подошла сзади к Олегу и провела ладонью по волосам:

— Седеешь, а все как мальчишка.

Он резко повернулся, посадил ее к себе на колени:

— Пойдем в твою комнату.

Женщина улыбнулась: — Она уже не моя. Дочка там живет, Надюшка... Да и беспорядок у нее.

— Ничего, — умоляюще посмотрел Олег, — пойдем туда, а?

— Ну, хорошо. Посиди немного, я приберусь.

Олег закурил, вышел на кухню и выглянул во двор. Машина стояла под окнами в целости и сохранности. Рассвет медленно, крадучись пробирался во двор дома.

«Надо бы машину куда-то спрятать...»

— Лариса!

— Что?

— У тебя есть сарай?

— Есть. Здесь почти у всех есть сараюшки. Только почти все пустые — хранить нечего. А что?

— Машину хочу поставить. Можно?

— Конечно, — кивнула Лариса и достала ключ от навесного замка. Показала в окно деревянный сарайчик: — Третий от конца мой.

— Я мигом.

Олег неслышно вышел, спустился на улицу. Двор еще спал. Обойдя машину, он убедился, что все в порядке, осмотрелся вокруг, сел за руль и тихонько подъехал к сараю. Места хватило тютелка в тютелку. Олег облегченно вздохнул, запер дверцу и, озираясь по сторонам, выскользнул из сарая.

Бывшая Ларисина комната почти не изменилась: тот же темно-коричневый письменный стол, тот же раздвижной диванчик, кресло, шкаф для книг, шифоньер... Даже стены остались такими же — побеленными, без обоев. И над диваном висела все та же репродукция «Незнакомки» в старой дешевой рамке. Олег едва сдержался, чтобы не сдвинуть картину и не убедиться, остались ли за ней его каракули.

Дверь! Вот чего не было, так это маленького самодельного крючка, который он собственноручно смастерил для того, чтобы бдительные родители не врываются в комнату в самые неподходящие моменты. Лариса, перехватив его взгляд, улыбнулась:

— Дочери пока что затворы не нужны. Мала еще...

— Сколько ей?

— Пятнадцать...

Олег внимательно посмотрел на Ларису, ему показалось, что голос ее слегка дрогнул.

Как только Галина с Николаем вывалились из гостей на улицу, тот сразу же не преминул прорычать на ухо любимой супруге: — Пр-р-аститутка...

Причем рычал он скорее ласково, чем угрожающе. Галина всегда терпела эту его выходку, но так как досталась своему благоверному честной-нетронутый, в ее душе после очередной несправедливой «пр-р-раститутки» закипела обида. Для Николая же слово это было умильным и интимным, типа «заиньки», «киски» или «рыбоньки».

На этот раз Галина отчего-то не выдержала и толкнула мужа в бок своим острым, как шило, локотком. Он, наконец, замолчал, и они потихоньку двинулись к дому.

Но настроение было испорчено. Ну что бы ей не обращать внимания на эту дурацкую выходку

мужа, тем более и слава богу называл он ее так не прилюдно, а один на один... Но Галине всегда в такие моменты вспоминался один неприятный случай из детства.

Училась она тогда классе в шестом, вернее перешла в шестой класс, поскольку дело было летом. Мамаша ее затеяла очередную ссору с соседкой по лестничной клетке. Соседка была примечательна тем, что, как говорили все в их подъезде, «убавила» десять лет себе в паспорте и ездила куда-то подтягивать морщины на лице. В то время это было для такого маленького дома (двухподъездной трехэтажки) черт знает чем, в общем — неприлично. Зато было вполне прилично ругаться из-за какой-нибудь ерунды, выскочив на лестничную клетку, чтобы все слышали. Что частенько и делала Галкина мать.

На этот раз предмет ссоры тоже уже был забыт, а две кричащие, распаренные женщины едва не лезли драться друг на друга. Пролетом ниже баталию наблюдали дети. В их числе была и Галина. Она, да и все собравшиеся, поскольку, в основном, это были ее подружки, «болели», естественно, за Галкину мать. И когда соседка нанесла очередной колкий удар, Галка в защиту матери бросила в немолодую, несмотря ни на что, женщину убийственное, по крайней мере по тем временам, слово: — Проститутка!

На секунду в подъезде воцарилась тишина.

— Что-о-о?! — прокатилось по всем трем этажам.

Обвинение, прямо скажем, было жестоким и беспочвенным. Молодящаяся особа хоть и красилась, и меняла шиньоны, и убавляла годы, но только потому, что без памяти любила своего законного мужа. Муж — красивый кудрявый брюнет — бил ее смертным боем (тоже, видать, любил). Из окон их квартиры то и дело вылетали какие-нибудь вещи, например, посуда или картины... А однажды (о, для Галкиного двора это было незабываемое событие) из окна бранящихся прямо в детскую песочницу вылетел телевизор. Вот так. Хорошо, что еще никто из детей в это время не строил замки из песка...

После жаркой баталии в семье дебоширов, как правило, наступало перемирие, и Галкина соседка светилась настоящим огнем счастья.

— Что-о-о? — еще раз прохрипела оскорбленная женщина и бросилась на стайку девчонок. Но стайка выпорхнула из подъезда и разлетелась в разные стороны.

Разъяренная женщина кинулась за Галкой со словами: — А я вот сейчас в школу... А я вот директору о твоём поведении... — От возмущения ей не хватало слов. А дерзкая девчонка, обернувшись на секунду, показала ей язык и злорадно прокричала: — Бегите-бегите, в школе-то все равно никого нет! Лето! Каникулы!

— Совести у тебя нет, — остановилась обесилевшая соседка и, махнув рукой, повернула назад.

Олег все-таки улучил момент и, когда Лариса отлучилась из комнаты, торопливо взобрался на диван и сдвинул «Незнакомку» в сторону. На стене, претерпевшей уже несколько побелок, буквы прочитывались, как с плохо выведенной татуировки — Я тебя люблю!

«Постарался, гвоздем выцарапал. Навеки...» Олег так и не решился спросить Ларису об отце ребенка. Женщина оказалась любознательнее, и, когда они улеглись в постель и погасили свет, она поинтересовалась его семьей.

— Да так, как у всех, — нехотя ответил Олег. От чего-то он промолчал о разводе.

— А дети?

— Дочка. Катя.

Потом они снова долго молчали. Олегу даже почудилось, что Лариса задремала. Он осторожно повернулся на бок и тоже попытался уснуть.

Но ни он, ни она не спали. Да и как тут забыть...

Как забыть Ларисе высокого красивого мастера-практиканта, однажды прибывшего в их захолустный городишко!

Как забыть Олегу восторженную вчерашнюю десятиклассницу, которой казалось, что весь мир существует только для любви! Тем более что все так и случилось, когда они впервые столкнулись в цехе...

В него тогда влюбились все. Во-первых, новенький, во-вторых, симпатичный, в-третьих, как выяснилось позже, поет. Что еще нужно вчерашним школьницам! Тем более что парень был старше их лет на пять, что придавало еще больше загадочного волнения. Это не то

что твой одноклассник типа Алешки Кнышева по кличке Роба, который с первого класса просидел с тобой за одной партой и с того же первого класса был влюблен в тебя по своим лопухие уши. Эх, Роба, Роба... Почти что брат, почти что подружка. А это совсем другое. Это извечное ОН и ОНА.

И ОН — Олег, узнал, что ОНА — Лариса, поет в заводском ансамбле, и в один прекрасный день заглянул в ДК.

Ребята репетировали. Роба — невысокий парень с оттопыренными красными ушами и курносый веснушчатый носом, прилежно бил в барабаны и железные тарелки.

«Пятачок», — отметил про себя Олег.

Остальные трое казались на одно лицо. Подстриженные под битлов, с ровными челочками по самые брови, они сосредоточенно склонялись над своими гитарами.

— Чего тебе? — не очень вежливо спросил вошедшего Роба.

— Можно послушать? — смело подошел к сцене Олег.

Трое на одно лицо неопределенно пожали плечами, а девушка, покраснев, сказала: — Проходите.

Незванный гость устроился на одном из стульев, стоящих ровными рядами подле стенки.

— Раз-два-три-поехали, — скомандовал Роба, и ОНА запела, да так, что Олег обалдел. Он ожидал всего чего угодно — от листьев желтых, что по городу кружатся, до — мой адрес — не дом и не улица, но это была его любимая французская песня из кинофильма «Шербурские зонтики».

Когда Лариса закончила, Олег взлетел на сцену:

— Прекрасно! Мне очень понравилось. Но эта песня поется дуэтом. Может, попробуем... Потом слова напишешь.

— Слушай, а ты вообще петь-то умеешь? — не унимался Пятачок.

— А сейчас услышишь, — подмигнул ему Олег.

Трое гитаристов опять неопределенно пожали плечами, взволнованная Лариса кивнула: и — раз-два-три-поехали...

Он подпевал без слов, но и без слов было ясно, что они должны петь вместе.

И они запели. Жизнь для Олега обрела смысл.

Репертуар был разнообразным. Лариса пела, в основном, французские лирические, от которых у Олега голова шла кругом, а он, чего уж греха таить, и про листья желтые, и про мой адрес, и про Алешкину любовь, от которой Роба покрывался красными пятнами, но мужественно продолжал бить по тарелкам. Ларисе было жаль своего школьного друга, но когда Олег доходил до проникновенного припева:

*Как же быть, как быть,
Запретить себе тебя любить...
Не могу я это сделать, не могу, —*

она забывала обо всем на свете.

«Песня-то по сути дурацкая, что слова, что музыка, а поди ж ты, как заводила в те годы, — подумала Лариса, глядя в темноту ночи и прислушиваясь к дыханию Олега. — Изменился... Какой-то усталый. Ну, еще бы — в бизнесе надо крутиться. И, не дай Бог, убить могут. Вон фильмы показывают — страх божий! Богачи эти только одним днем и живут. Да-а, меняются люди. Кто бы мог подумать, что романтичный Олег станет таким прагматиком? Ну, не совсем уж он и прагматик — сорвался же, хоть через пятнадцать лет, а все-таки приехал...»

Незадачливая песенка про несчастную Алешкину любовь оказалась пророческой. Все уже с любопытством следили за развитием событий. Большинство было против новоявленного разлучника. В первую очередь родители Ларисы и ее ближайшая подруга Галка. Галке-то уж совсем было не с руки то, что какой-то взрослый парень на глазах у всех уводит у законного кадра Робы, да и у нее, кстати, тоже, их обожаемую Лариску. Галка проводила своего Николая в армию и мечтала, дабы не умереть одной от скуки, быть со своими друзьями-одноклассниками. Но все рушилось. Роба с Галкой осиротели. Олег не желал делиться Ларисой ни с кем. Влюбленные то и дело смывались из компании, а если было невозможно смываться, уединялись, а если не уединялись, то просто не замечали никого вокруг себя. В конце концов, они на самом деле остались одни. Теперь уже не робкий Роба, а взрослый Олег провожал Ларису до подъезда. И если со

смешным Пятачком девушка хохотала минут пять и, глянув на часы, быстро убегала домой, то с Олегом задерживалась часа на два, а летом так почти до самого рассвета...

Родители, особенно мать, беспокоились:

— Нечего обжиматься по подъездам. Пусть приходит сюда. Сидите на глазах и вовремя расходитесь, — сказала она однажды.

Не зная, радоваться этому или нет, Лариса передала слова матери Олегу.

— Отлично! — возбужденно потер ладони смышленный кавалер, — работаем-то мы в разные смены, значит, я могу приходить к тебе утром, когда они в первую, и вечером, когда во вторую...

У Ларисы от этих слов сильно застучало сердце. Почувствовав замешательство девушки, Олег добавил: — А в выходные будешь приходить домой вовремя, чтобы не беспокоились.

Первое свидание в детской Ларискиной комнате пролетело как одно мгновенье, оставив восторг, ненасытность и легкое головокружение. Они не заметили, как стемнело, и, когда оставалось полчаса до прихода родителей, Олег все еще нежилась в горячей и мокрой от пота постели.

«Время все-таки безобразно быстро летит», — думал он, поглядывая на часы.

— Пора, — забеспокоилась девушка.

Он с сожалением кивнул, согласившись, и оделся по-солдатски быстро. Через пять минут они уже прощались, через минуту Олег ступил в темный коридор.

«Странно — нигде не горит ни одной лампочки», — он на ощупь начал спускаться по крутым ступенькам и на последнем пролете почувствовал, что кто-то дышит ему в затылок. Не успев сориентироваться, он получил удар под правое ребро, подножку и резкий толчок в спину. В жгучей темноте перед глазами засновали ослепительные мотыльки, а ребра пересчитали все нижние ступеньки. Кто-то, сопя, перепрыгнул через него и выбежал из подъезда, грохнув дверь. Очнувшись через некоторое время, Олег начал подниматься. Кое-как нашарив в темноте стену, встал и выбрался на улицу. Глотнув свежего воздуха и растерев побитые бока и ушибленный лоб, он, пошатываясь, направился к своей общаге.

Вахтерша, глянув на припозднившегося жиль-

ца, охнула и вылезла из-за своей конторки. А когда тот направился по коридору к своей комнате, она высунула любопытную, в мелких кудерышках, голову в коридор: — Эх, как надрался...

Но Олег шел спокойно, не шатаясь, а подойдя к своей двери, оглянулся и вежливо сказал: — Спокойной ночи, Анна Иванна.

В комнате все уже спали. Олег тихонько стащил с себя джинсы и рубашку, вытащил из-под кровати стиральный порошок, закинул грязную одежду в таз и направился в душевую, приговаривая: — Эх, ты, Пятачок-дурачок...

На следующее утро в цехе на перерыве к Ларисе подскочила Галка:

— Знаю-знаю, чьих рук дело. Это Роба его так отделал, — она с удовольствием потирала ладошки.

— Роба? Да он и мухи-то не обидит, и драться не умеет, — пробормотала расстроенная Лариса.

— Не умеет, а факт, как говорится, на лице, — засмеялась Галка, — я бы на его месте тоже не вытерпела.

На очередную репетицию Роба-Пятачок пришел пьяный, чего раньше за ним не наблюдалось. Играть он не мог, ко всем приставал и, в конце концов, обиженный Ларисиным замечанием, бросил палочки и ушел, от всей души хлопнув дверью. Больше Роба на репетиции не являлся. В коллектив пришел молоденький рыжий девятиклассник — ансамбль снова был укомплектован. Все вроде бы уладилось — встречи, выступления... И только об одном Лариса попросила ребят — снять с репертуара песню «Алешкина любовь». Она была уверена, что Роба каждый раз шатается где-то в толпе танцующих, и сыпать соль на открытую рану считала верхом жестокости. Все согласились, и больше Олег не исполнял злополучного шлягера.

Но Роба исчез с поля зрения. По слухам, он поступил учиться в автошколу, которая находилась на противоположном конце города — подальше от завода, где работали «его друзья». И все наконец свыклись с мыслью, что Лариса плюс Олег равняется любовь. Успокоились все, но только не мать Ларисы. Как-то, увидев Олега на улице, она направилась прямо на него. С короткими руками, с короткими ногами, похожая на грозовую тучу, она лишь отдаленно напоминала свою хрупкую дочь.

— Оставь в покое мою Лариску, Христом Богом молю, — начала она, насупившись. — Ты наиграешься и уедешь, а ей здесь жить...

— Отчего же уеду, — неуверенно возразил Олег, который всегда побаивался этой грозной дамы, — может, и не уеду.

— Что ты мне сказки рассказываешь?! Одного уже сделал несчастным. Мало? Теперь Лариску... Оставь ее в покое, пока не поздно.

— Да что вы, ей-богу, ей же не десять лет, — взорвался Олег, — мы сами решим, как нам дальше быть.

— А никакого «дальше» у вас не будет, — грустно покачала головой женщина, — не судьба вам, понимаешь, не судьба.

И, обогнув Олега, чуть сгорбившись, она побрела своей дорогой.

Эта «не судьба» больно резанула Олега по сердцу. А когда год незаметно пролетел, он вдруг почувствовал, что соскучился по своим друзьям, по родному городу, что практика закончилась и он хочет домой. Что все еще у него впереди, и судьба — тоже... Он знал, что Лариса любит его, что будет любить вечно, и примет его хоть через десять лет, хоть через двадцать, хоть через сто. И он уехал.

Лариса сидела на кухне у окна с потухшей сигаретой. Очнувшись от воспоминаний, она тяжело поднялась и начала мыть посуду — все равно не спалось.

Олег проснулся от солнечного луча. Осторожно повернул голову — рядом никого не было.

— Уже встала, — подумал он и посмотрел на часы. Было два часа дня. Он откинул одеяло, оделся, прислушался — в квартире стояла тишина. Теперь можно было еще разок заглянуть за репродукцию. Осторожно привстав, он отодвинул картину в сторону и долго смотрел на едва различимые каракули...

Потихоньку выйдя из комнаты, он заглянул на кухню. Лариса дремала за кухонным столом. От легкого шороха женщина проснулась.

Тут как тут, без предупреждения, явились Николай с Галкой. Николай по причине воскресного дня и похода в ресторан был помыт, побрит, причесан и придет. Но вчерашний перебор давал о себе знать, и, подмигнув Оле-

гу, новый знакомый направился прямо к холодильнику.

— По маленькой, что ли, для поправки здоровья... — то ли спрашивая, то ли предлагая, кивнул он.

— Давай-давай, лечись, — подбодрил его Олег.

— А ты?

— Да я в норме.

— А вы? — обратился он к женщинам.

— Ну, разве что «по маленькой», — согласилась Галина.

После «маленькой» все оживились и в ресторан отправились в очень приподнятом настроении.

— Эх, сейчас бы на твоей машине подкатить, — размечтался Николай.

— Ты что, спятил, он же выпил рюмочку. Нельзя, — покрутила у виска Галина.

— Да-а, обидно, братцы. Придется в автобусе трястись.

— Зачем же в автобусе, — с этими словами Олег притормозил частное такси.

— Указывайте дорогу. Где у вас тут хороший кабак? — он подмигнул Ларисе.

Устроившись рядом с шофером, Олег вытащил увесистый кошелек. Водитель сразу присосанился, согнал с лица хмурь и спросил с заискивающей улыбкой: — Куда прикажете?

Николай назвал ресторан, шеф понимающе кивнул и газанул с места в карьер, а когда необычный пассажир раскрыл кошелек и зашелестел купюрами, то едва не врезался во встречные «Жигули».

— Ну, ты, полегче, — пригрозил Николай.

Шофер только дернул кадыком и, взяв себя в руки, повел машину как надо. У ресторана Олег достал денежку, с которой, как выяснилось, у водителя не было сдачи.

— Хорошо, — кивнул Олег, — к закрытию поедешь за нами. Хорошо? — уже спросил он, заглядывая притихшему водителю в глаза. — Приедешь, получишь еще...

Николай с Галиной только переглянулись.

Ресторан назывался «Центральный». Вероятно потому, что находился в центре города. За стеклянными дверями стоял современный швейцар: бритоголовый, добросовестно накачанный парень лет двадцати пяти.

— Мест свободных нет, — оглядев четверку

немолодых людей, недовольно буркнул он, словно его оторвали от очень важного и захватывающего занятия.

Олег, ничего не сказав, полез в карман куртки, достал зеленую банкноту и помахал перед носом крепыша.

— Подождите, — неуверенно произнес тот, — сейчас посмотрю, может, что и освободилось.

— Во, гад, — начал закипать Николай, — ясно ведь, что есть... Давить бы их... — но, покосившись на Олега, замолчал.

Парень вернулся быстро, не один — его сопровождал набриолиненный молодой человек. Даже через дорогой костюм было видно, что он тоже не слабак.

Вдвоем с Олегом они вошли в ресторан. Остальные остались в «предбаннике», под неусыпным наблюдением бритоголового.

— Ну, гады же, гады натуральные, — не унился Николай, но женщины крепко держали его под руки.

Тем временем Олег уверенно объяснился с парнем, время от времени кивая в сторону оставшихся за дверями друзей. Наконец он достал еще одну «зелененькую», и хозяева ресторана дружелюбно кивнули. Тот, который исполнял роль швейцара, изобразив на лице улыбку и слегка наклонив круглую, как шар, выскобленную до блеска голову, произнес:

— Рады видеть вас в нашем заведении.

Ларисе пришлось отпустить локоть Николая (иначе они бы не протиснулись в дверь). За ней последовала Галина, крепко держащая супруга за руку.

Половина столиков в небольшом зале, как и предполагалось, была пуста. Но хозяев это нимало не смутило. Они подвели «дорогих гостей» к двум лучшим — у самой эстрады — и предложили на выбор.

— Приятного вечера, — холодно улыбнулся Главный.

— Гады, — снова прошипел Николай, на что жена опять пихнула его в бок острым локтем.

— Прошу! — скомандовал Олег, — садимся и выбираем.

Он протянул дамам меню.

— Водки! — уверенно сказал Николай.

— Само собой, не спеши, пусть женщины вы-

берут что-нибудь вкусенькое. То, что душе угодно, — повторил угощающий.

«Что душе угодно» стоило, по понятиям подруг, неслыханно.

Отметив блюдо, они тут же направляли свои взгляды направо, на столбик циферок и едва не вздрагивали от ужаса.

— Ну, — улыбнулся Олег, — смелее!

В это время к ним подскочил официант — на этот раз с длинными кудрями — и согнулся в полупоклоне: — Что прикажете?

Олег взял меню и начал заказывать, не обращая внимания на цены:

— Бутылочку коньяка, вот этого, — он небрежно ткнул пальцем в меню, — и водочки, конечно...

— Сей момент, — официант, который был еще моложе своих хозяев, мгновенно испарился.

— Вот так, — проворчал Николай, — мой Витька, может быть, сейчас кровь проливает, а этот педрила при офигенных харчах бегаёт.

Все промолчали.

Заиграла музыка. Хозяин присел за служебный столик, где двое таких же прилизанных лениво потягивали из жестяных баночек пиво и время от времени бросали взгляды на немногочисленную публику.

Услужливый официант метал на стол салаты, напитки, горячее, холодное и все остальное, что полагается.

Посетителей прибавилось. Из-за служебного столика кому-то кивали, а кому-то даже и вскакивали навстречу.

Выпив и испробовав закуску, Николай подобрел, выудил из мятой пачки «примину» и не без шика достал из внутреннего кармана пиджака пистолет-зажигалку. Прилизанные настожились, переглянулись... Николай не спеша закурил, и те заухмылялись, закивали друг другу, мол, выпендривается, старый хрен.

В зал вошли два охранника с плохо закамуфлированным оружием. Подсели к хозяевам и тоже отколупнули колечки с жестяных баночек, которыми был уставлен стол.

— А пойдёте-ка потанцуем, — предложил Олег. — Николай, приглашай Ларису, — и, подхватив обескураженную Галку, ворвался в круг танцующих.

— Ишь ты, какой прыткий! — с удовольствием

отметила Галина. — А что, если она приревнует?

— А что, есть повод? — подмигнул Олег. — А ты ничего, почти не изменилась, такая же худенькая...

Николай с Ларисой неуклюже потоптались где-то с краю и, не дождавшись окончания танца, сели за стол.

Николай вспотел, то и дело ослаблял узел галстука и наконец взмолился:

— Галя, я больше не могу, дай я сыму эту удавку.

— Ну, хорошо, — махнула рукой повеселевшая супруга.

Николай сорвал надоевший галстук, сунул в карман пиджака и ласково прорычал на ухо супруге: — Пр-р-раститутка...

Галина хотела было поддеть его в бок, но раздумала, поскольку ее пригласил на танец мужчина из-за соседнего столика.

Ресторан гулял вовсю. Уже и не было свободных мест, когда в дымное, пропитанное винными парами помещение ввалились две модные девицы.

— Модели, — скривился Николай, и это прозвучало в его устах действительно куда унизительнее, чем восторженное «пр-р-раститутка».

Девицы направились к служебному столику и без лишних разговоров устроились на коленях у прилизанных парней.

Какое-то время сквозь шум и нарастающий грохот музыкальных инструментов ничего не было слышно. Олег, уже изрядно выпивший, подошел к музыкантам, о чем-то попросил, сунул деньги, и лысоватый тромбонист объявил:

— По просьбе нашего дорогого гостя Олега сейчас прозвучит песня его молодости «Алешкина любовь». — Олег что-то еще шепнул на ухо музыканту, и тот добавил: — Песня прозвучит в исполнении самого гостя.

Музыканты заиграли. Олег запел. Увлечшись песней, он не заметил, как исчезла Лариса. Закончив петь под пьяные аплодисменты, он, слегка задыхаясь от волнения, вернулся к своему столику и обнаружил пропажу.

— Домой, наверно, ушла. Куда она денется, — успокоила мужчин неунывающая Галина. В это время локоть Николая сорвался со столика, и Олег решил, что им тоже пора.

— Я сейчас, — кивнул он Галине и вышел из ресторана.

Частник, как и договорились, подждал богатых пассажиров.

— Тут я одну вашу домой отвез, — сообщил он заискивающе, — сказала, что голова разболелась. Ну, я ее за добрую душу...

— Хорошо-хорошо, — перебил Олег, доставая туго набитый кошелек, — а сейчас помоги погрузить товарища.

— За добрую душу, — повторил водитель.

Когда втроем они кое-как запихнули перебравшего Николая в салон старого «москвичонка», хозяева ресторана, выйдя на воздух, кивнули Олегу как старому знакомому, мол, все о'кей, приезжай еще. И машина двинулась на окраину городка.

«За добрую душу», а вернее за хорошие деньги (которые никакому таксисту и за месяц не заработать), местный водитель помог довести, вернее доволочь, перепившего Николая до третьего этажа и даже опустить на диван в маленькой комнате, которая находилась сразу напротив входной двери.

Пьяный не сел, а рухнул поперек, раскинув руки, словно его распяли.

Пока Галина провожала до дверей чуть ли не кланяющегося в ноги шофера, Олег разглядывал комнату. Под батареей лежали гантели, на маленьком столике аккуратной стопочкой возвышались магнитофонные кассеты. Сам магнитофон был водружен на шифоньер (видимо, дождался своего непосредственного владельца).

— Витькина комната, — то ли гордась, то ли оправдываясь, объяснила Галина.

Заученным движением она сдернула с мужа ботинки, ловко развернула его вдоль дивана и, повернув лицом к стенке, закрыла пледом.

— Все. До утра будет спать.

Она направилась в другую комнату. Олег, отдавшись воле случая, последовал за ней. Здесь он не успел оглядеться, свет тотчас был погашен...

Сначала они как-то неуверенно обнимали друг друга, затем, все больше распаяясь, в бесчувственном поцелуе, ощущали разгоряченные спиртным тела и, наконец, торопливо снимая одежды, повалились на диван. Какое-

то время в темноте слышалось тяжелое дыхание, сопение и вскрики, больше напоминавшие схватку двух врагов, нежели любовное соитие... Наконец барахтающиеся выплеснули один другому (другой) всю ненависть, всю неудовлетворенность жизнью и, отвалившись друг от друга, уснули.

Олег открыл глаза, когда за окном уже рассвело. Галина возилась на кухне. Из маленькой комнаты доносился безмятежный храп Николая. Вспомнив вчерашнее, Олег торопливо поднялся и начал одеваться. Он уже застегивал молнию на куртке, когда в комнату заглянула хозяйка. В домашнем розовом халатике в цветочек она походила на постаревшую девочку. Кивнув Олегу, она как ни в чем не бывало пригласила его на кухню. На столе уже красовалась бутылка водки, были нарезаны хлеб и дешевая колбаса.

— Чем богаты! — вызывающе посмотрела она на Олега.

— А кофе нет?

— Нет. Не употребляем. Есть чаек, милицейский, позавчерашний. Вскипятить?

— Да нет, — махнул рукой Олег.

Они налили по стопочке, выпили, зажевали дешевой колбасой без вкуса и запаха. Олег подавленно молчал.

— Не бойсь, — приободрила его хозяйка скудного стола, — скажешь, что у нас заночевал... в Витькиной комнате. Да и что ты ей — муж, что ли, оправдываться.

— А кстати, где ее муж? — спросил Олег, только чтобы не молчать.

— Как?! — нацеленная на кружок колбасы вилка замерла в Галиной руке. — Ты не знаешь? Она тебе не рассказала?!

— А что? — поднял голову Олег.

— Ну, так слушай, — глаза собеседницы заблестели. — Как только ты уехал, Алешка тотчас как из-под земли вырос.

— Какой Алешка? — воскликнул в свою очередь Олег. — Роба-Пятачок?

— Роба-Роба, — кивнула Галина. — Появился, значит, и прямо к Лариске, вернее к ее родителям. Они всегда без памяти от него были. К тому времени он уже окончил курсы шоферов и водил грузовичок. Ходил-ходил, руки Ларискиной добивался. Родители только «за». А Лариска как сомнамбула... Ей тогда — хоть куда, хоть за кого.

Через месяц свадьбу сыграли. А через год Роба пьяный врезался во встречный «КамАЗ»...

Олег слушал напряженно, не перебивая.

— А ты не знал? Надо же! — Галина испытывающе глядела в изменившееся лицо Олега.

— Ладно. Я пошел, — он поднялся из-за стола.

— Ну, пока, — женщина протянула тонкую ладошку.

— Пока, — вяло пожал ее Олег и, выйдя в прихожую, уже взялся было за дверную ручку, но вдруг остановился, повернулся к хозяйке, выудил из нагрудного кармана куртки пресловутый кошелек и достал толстую пачку денег.

— Ты что?! — взвилась женщина, мгновенно вспомнив ласковое рычание мужа — «пр-р-р-ас-титутка». — Ты что, спятил? Ты чего себе позволяешь? — в порыве праведного гнева она уже занесла тонкую руку, чтобы врезать новорусскому по физиономии.

Но Олег спокойно возразил:

— Я — новый русский по вашим понятиям, так?

— Ну, — смешалась Галина.

— Так вот, у нас любая информация стоит денег. Поняла? А та, что ты мне выдала, — очень важная и стоит достаточно дорого. Так что бери спокойно, — он сунул скомканную пачку в кармашек затасканного халатика.

Галину разрывали сомнения.

— Seriously тебе говорю, — сделав строгие глаза, уверил Олег.

— Постой-ка. Значит, говоришь, важная информация стоит денег?

— Ну, наконец-то дошло.

— Тогда выслушай за эту сумму еще одну, действительно важную...

Галина выдержала паузу.

— Надюшка-то твоя дочь, Олег.

— Ты так не шути, — Олег произнес это спокойно, но угрожающе.

— Не шучу, Олешка, не шучу. Твоя — вот те крест, — и она размашисто перекрестилась. — Женщина всегда знает, от кого понесла.

Олег рванул дверь и вышел на лестничную клетку. Он уже миновал пролет, другой, как сверху раздался знакомый голос:

— Эй, послушай, еще одна информация. Вчера в ресторане, когда ты выскочил петь, Лариска обозвала тебя клоуном.

— А я и есть клоун, — донеслось снизу.

Выскочив из подъезда, не разбирая дороги, не замечая удивленных взглядов прохожих, Олег сначала побежал что есть духу, затем перешел на быстрый шаг, потом на медленный и наконец остановился в растерянности. Он вдруг понял, что спешить-то ему некуда. Единственное — нужно было как-то осторожно проститься, не растревожив Ларису. И все.

Он огляделся. На шоссе замаячила знакомая машина. Олег махнул рукой. Водитель нехотя притормозил, предполагая, что чудеса закончились и сейчас протрезвевший чудаке потребует назад деньги, которые выкинул ему вчера по пьянке.

— Привет, — стараясь казаться как можно беззаботнее, кивнул Олег, забираясь в салон, — чего такой мрачный?

Водитель молча смотрел на дорогу. Деньги возвращать не хотелось.

— Вот что, — попросил непонятный пассажир, — покатай-ка ты меня по окраинам города да заодно покажи посты ГИБДД, а еще лучше те дороги, где нет этих постов.

От такой просьбы мужичок еще больше съезжился, но ослушаться не посмел. Он вырулил на центральную магистраль и поехал, куда ему приказали. Так, не проронив ни слова, они объехали вокруг небольшого городка и снова очутились в центре.

— Притормози на минутку, — попросил Олег, увидев табачный киоск.

Водитель послушно остановил машину. Станный попутчик не торопясь вылез на воздух и только нагнул к низенькому окошечку, чтоб купить сигарет, как увидел, а вернее услышал, взревевшую машину. Старый «москвиченок», резво развернувшись, рванул куда глаза глядят от ненормального пассажира.

До Ларисино дома было рукой подать, и Олег, прикуривая на ходу, чтоб унять волнение, наконец направился туда, где его и ждали, и не ждали.

На этот раз Лариса открыла быстро, но как-то равнодушно скользнула по Олегу взглядом и, не поприветствовав, заворчала:

— Что-то Надежды долго нет, и старики без телефона... Куда она запропастилась?

— А я вот Николая доставлял, да так и закемарил у них... в комнате сына, — начал Олег и, ра-

зозлившись за свое оправдание, добавил, — а ты чего сбежала?

— Да не привыкла я по ресторанам.

— Могла бы предупредить вообще-то.

— Вам и без меня весело было, чего предупреждать, — Лариса пристально взглянула на Олега.

Тот опустил глаза и пробормотал:

— Да какое веселье, Николай так надрался...

— Ладно. Ужинать будешь?

Он неопределенно пожал плечами.

За окном в приближающейся темноте моросил дождь.

Олег наблюдал за Ларисой, накрывающей на стол, и его подмывало спросить о дочери. Но он молчал. Молчала и хозяйка. Их молчание прервал короткий звонок.

— Это она, — встрепенулась Лариса и пошла открывать.

Олег пошел следом.

На пороге появилось промокшее юное создание в короткой кожаной юбочке и такой же куртке. Создание улыбнулось матери и с любопытством посмотрело на незнакомого мужчину.

— Есть будешь? — нервно спросила Лариса.

— А как же, — девушка покосилась на Олега и прошла в свою комнату.

Через минуту она вернулась уже переодевшаяся в домашний спортивный костюм. Волосы ее были забраны тоненькой резиночкой в потемневший от дождя хвост.

Олег пристально разглядывал дочь. Искал сходство, какие-то черты, напоминающие или его, или лопухого Пятачка, но Надежда была копией своей матери. Такой же утиный нос с широкими ноздрями, такая же припухшая нижняя губа и открытые голубые глаза. Она точным движением Ларисы смахивала со лба непокорную прядь волос и исподлобья изучала незнакомца.

— Познакомься, — наконец спохватилась Лариса, — это Олег... Павлович.

— А вы издалека? — любопытствовала девочка, забираясь с ногами на стул.

— Д-да, — неуверенно ответил гость.

— И надолго?

— Н-нет, сейчас уезжаю.

— О-о, — разочарованно протянула Надя, — я люблю гостей.

— Ешь, — придвинула Лариса дочери тарел-

ку с вареной картошкой и вышла из кухни.

— А где вы работаете? — с детской прямоотой спросила Надя, разглядывая куртку гостя.

— Я? Новый русский. Слыхала о таких?

— Еще бы! Теперь все деньги у них, вернее у вас. А нам шиш с маслом, вернее без масла, — рассмеялась Надежда.

— А розы в комнате тоже ваши? — лукаво улыбнулась она.

— Розы ваши, — серьезно ответил Олег. — Учишься?

— Учусь, — вздохнула девочка.

— А дальше куда?

Надя пожала плечами:

— Чтобы учиться в приличном заведении, нужны приличные деньги. А у нас с мамой их нет. Так что я пока не решила. Может, на парикмахера выучусь — в классе всем девчонкам прически делаю... Хотя и туда тоже сейчас попать не так-то просто.

— Ну, а что ты еще умеешь? — не унимался Олег.

— А вы что умеете, кроме своего бизнеса? — не без ехидства спросила Надя.

Олег, озорно взглянув на нее, заговорщически произнес:

— Я обладаю одним редким даром — умею шевелить ушами.

И он продемонстрировал девочке свой незаурядный талант. Надежда неожиданно рассмеялась:

— Ну-у, это и я могу, — и она точно так же, как Олег, сведя бровки, усиленно задвигала ушами.

Олег замер.

— Еще раз, — попросил он, взволнованно глядя на девочку, — ну, еще разик...

— Что у вас тут происходит? Кричите на всю квартиру, — заглянула на кухню встревоженная Лариса.

— А мы ушами двигаем! — выпалила развеселившаяся Надежда.

— Подумаешь, велика премудрость. Каждый может.

— А вот и нет, а вот и нет, — завелась дочь, — у нас в классе только я одна могу так. А ну-ка, попробуй сама, — не отставала она от матери.

Лариса смешно наморщила лоб, нос и даже раздвинула губы, но уши и не думали шевелиться.

— Да ну вас, глупость какая-то, — махнула рукой Лариса и снова скрылась в комнате.

— Вот видишь, — таинственно произнес Олег, — совсем не каждый умеет шевелить ушами. А мы с тобой умеем! Значит, мы с тобой кто? — с надеждой посмотрел он на дочь.

— Мы-то, — доедая картошку, мигнула глазами Надя, — мы, эти самые, близкие родственники животных. Так мне биологичка объяснила. Все люди освободились от этого, а мы нет...

— От чего от этого? — изумился Олег.

— Ну, от рудимента. Правда-правда. Я один раз продемонстрировала на уроке биологии свои способности, так учительница рассердилась и сравнила меня с обезьяной. Ну, спасибо вам за компанию, — вытерев губы тыльной стороной ладонки, девочка вылезла из-за стола. — Мне пора спать, а то мама сердиться будет.

— Счастливо тебе, — Олег взял ее теплую руку и задержал тонкие пальцы в своей большой, натруженной, слегка дрожащей ладони.

Надя притихла и не вырывала руки до тех пор, пока из комнаты не донесся Ларисин голос: — Надежда, пора спать.

— До свидания, — едва слышно сказала девочка и вышла из кухни.

Олег закурил и прильнул вспотевшим лбом к холодному оконному стеклу. Мысли лихорадочно метались в его голове, как блики от раскачивающегося за окном фонаря: «А что если... Нет, поздно. А все-таки? Поздно! Если б я знал!»

Пора было прощаться и уходить. В кухню вошла усталая Лариса. В ее руках были большие сумки Олега.

— Вот... Возьми. Не забудь.

Олег перехватил ту, что побольше, опустился на корточки и открыл молнию внутри сумки. Дно распахнулось, и Лариса увидела аккуратно разложенные и схваченные тонкими светлыми резиночками пачки долларов. Олег начал выкладывать деньги на стул.

— Вот... — окончательно вспотев, поднялся он, — это тебе и дочери.

— Зачем это?! — испуганно отступила Лариса.

— Надежду выучишь, да и тебе хватит. Не бойся — это честные деньги.

Он отодвинул ненужные сумки под стол.

Пора было уходить.

Олег помедлил, затем начал выгребать из

внутренних карманов куртки «деревянные» и совать в непослушные руки Ларисы. Купюры сыпались на пол, а он все вытаскивал и вытаскивал измятые розовые пятисотки, пока не убедился, что карманы пусты.

— Ну, все. Прощай, — глядя на остолбеневшую женщину, выдохнул он. — Не провожай меня. Ключ от сарая я положу под дверь. Завтра заберешь.

Он подошел к Ларисе, ткнулся куда-то в сидящий висок: — Береги дочь, пожалуйста, — и, не в силах больше оставаться в этой квартире, выгнал себя за дверь, а затем — на улицу.

Дождь зарядил, видать, надолго.

«И дождь смывает все следы, — фильм, по-моему, был такой», — подумал Олег, выкатывая из сарая машину. Он щелкнул амбарным замком и ключ, как пообещал, сунул в просторную щель внизу сарая. Включив дворники, он увидел два силуэта в знакомом окне...

Машина неслышно нырнула в темный переулочек и вскоре выехала за город. Постов, слава Богу, нигде не было. Олег притормозил, открыл бардачок, достал четвертинку водки, припасенную на самый конец, сделал несколько больших глотков и долго сидел, прислушиваясь, как тоска понемногу отпускает.

В бардачке, помимо всякой всячины, тускло поблескивал медальон в форме сердечка. Олег осторожно достал его, щелкнул кнопкой. Медальон раскрылся, и на Олега весело глянули влюбленные — ОН и ОНА, почти дети. Вспомнилось, что тогда они не нашли подходящих по размеру снимков, и он вырезал «себя» из оставшейся фотографии на паспорт, а она — из общей школьной.

Они по очереди носили этот трогательный медальончик: неделю он, неделю она. Так случилось, что, когда Олег уезжал, была е г о неделя.

А потом...

Он не позволял себе в последнее время расслабляться: думать, анализировать. Но сейчас, как в далеком детстве в пионерлагере, словно кто-то накинул на него ватное одеяло и полностью изолировал от действительности. Глядя в темноту ночи, Олег отчетливо увидел все свое прошлое.

...Уехал. И ни разу не приехал. «Хотя езды-то... — горько усмехнулся Олег, — шесть часов. А на хорошей машине, как эта, еще меньше». Да что там не приехал — не написал, не позвонил...

Все думал — есть такое чудо, и хорошо, и никому да не денется.

Потом через кого-то как-то донеслось, что «его еще и след не простыл, а Лариска тут же замуж выскочила». Сдернул медальон, засунул в коробку со всякими ненужными безделушками (рыболовными крючками, сломанными ключами...).

Как женился, и сам не помнит. Работа была хорошая — главный механик крупного цеха, девушек, как... этого самого, хоть отбавляй.

Раиса то ли сама окрутила его, то ли понравилась спьяну — не помнит. Сыграли свадьбу. Весело, с размахом. Начали жить. А Раиса-то с приплодом оказалась — с трехлетней дочкой Катенькой, которую вскоре и привезла из деревни.

Ничего — перенес.

— Зато квартиру побольше выьем, — заискивала жена.

И выбила. У нее — однокомнатная, и у него, как у молодого специалиста и ценного работника, тоже. Выменяли аж на четырехкомнатную. Хоромы по тем временам. Живи — не хочю.

Но что-то все не клеилось. Ему после работы в ансамбль петь, а Раиса не очень-то все это поощряла. Поначалу терпела. Потом начала пилить:

— Кончай это дело, уж не мальчик людей-то смешить.

Задело это его, и охота к пению пропала раз и навсегда.

Сидят, бывало, вечерами, каждый в своей комнате — тишина, как в могиле. К друзьям ему нельзя, им в гости тем более — «одна пьянка...». В общем, пошли скандалы. А там кордебалет в стране начался и... безработица. Завод на глазах развалился — почти всех сокращали.

«Сокращенное поколение», — снова горько усмехнулся Олег, вспомнив Ларису и ее друзей.

Дальше — хуже.

Денег в дом мужик не приносит — что за мужик!

Раиса с уже подростковой Катей пристроились в какую-то фирму. Сначала потихоньку, а потом и размахнулись.

Подозревать он начал, что директор этой фирмы не просто так Раису держит. И не ошибся. Дома нет допоздна. Придут — от обеих винищем дорогом несет, духами заграничными. Тряпки несусветных цен появились, кольца, серьги...

А Катька ехидно как-то заявляет:

— Что, папочка, все никак на работу не устроишься? Нехорошо на женских шеях сидеть...

Не выдержал — дал раз по этой самой женской шее.

Крик. Вой. Развод.

И слава Богу!

Квартиру поделили, правда, поровну — Раиса опять расстаралась. Достался ему район хоть и не в центре, но и не на окраине. И квартира хорошая — двухкомнатная. Только пустая почти. Старый диван выделили, два кресла такие же потрепанные да столик со стульями — на кухню. Живи.

Лежал несколько месяцев в полупустой квартире — пальцем шевельнуть не хотелось. Сходит, получит раз в месяц пособие по безработице, купит самое-самое, чтоб с голоду не сдохнуть, и снова лежит. Все думает, каким образом конец себе дать.

Повеситься — н-нет, из окна выбраться — второй этаж, застрелиться бы — где пушка? На машине разбиться — р-раз и всмятку. Вот это дело! У него даже глаза загорелись от такой мысли. Это подходило. Это — по-мужски. Поди разбери: несчастный случай или самоубийство. Вопрос — где взять тачку?

Как-то немый, небритый слонялся он по квартире да сунулся случайно в старую коробку с гайками да крючками и вдруг наткнулся на этот самый медальончик. Открыл — сердце заньюло-застонало, и вот тут-то пришло решение.

Подстригся-побрислся. Убрался в квартиру, пошел на работу устраиваться. Да не куда-то там, на копейки, а в самую крутую шайку, которую в городе все боялись и обходили стороной. Машинами они якобы торговали — перегоняли «оттуда» «сюда». Да все это брехня — машины для отмазки. Поговаривали, что и оружие у них в ходу, и наркота...

Пришел к самому-самому по кличке Толстый. Так и так — руки золотые, любую машину разберу и соберу с закрытыми глазами.

— Проверим, — коротко бросил Толстый.

И проверили. И взяли. Платили сначала так

себе, но сносно, поболее, чем государство. Потом все больше и больше. А когда поняли, что работник действительно незаменимый, да еще не болтун, хорошо стали платить, очень хорошо. Толстый даже пистолет-зажигалку в знак расположения подарил.

Задумал сделать евроремонт — пожалуйста.

Раиска прибежала, ахнула: — Такое только в кинах ненаших видела!..

Затем, как и задумал, продал все это за хорошие деньги. Все шло по плану.

Приоделся, как они... Хотя в душе всегда ненавидел этих жлобов. И стал ждать часа. И дождался. Толстый со своими доверенными в Москву по делам укатил на три дня. Тут-то он без труда и вывел эту белую красавицу «из стойла». Подарков накупил сверх меры, сунул в бардачок чекушку водки, заветный медальон и...

Какая-то машина прошуршала рядом. Олег вздрогнул, очнулся, намотал цепочку медальона на палец и газанул что было силы. Он несся по дороге с бешеной скоростью, стараясь уже ни о чем не думать, не вспоминать, только всматривался в темноту, искал то дерево — огромную одинокую березу, которую заприметил по дороге сюда.

Березы пока что не было, но зато сзади на дороге откуда ни возьмись вынырнул милицкий «газик». Ему уже сигналили.

Олег летел, не сбавляя скорости. Теперь к шесту дождя прибавился противный визг милицеской сирены.

Долгожданное и страшное дерево выросло так неожиданно, что на минуту Олег, захваченный погоней, растерялся и слегка сбавил скорость. В панике он дернул ручку дверцы, та послушно распахнулась. Но, преодолев минутную скорость, Олег нажал на педаль и направил машину к своей конечной цели...

Старший сержант и молоденький лейтенант вовремя тормознули свой допотопный «газик», когда их изрядно потрянуло от мощного взрыва. Очнувшись, они увидели человека, выброшенного взрывной волной на асфальт. Машина горела ярко и жарко, и милиционеры, оставаясь какое-то время в «газике», не могли отвести глаз от этого зрелища. Огромные желтые

языки пламени лизали ствол березы, которая, казалось, гудела от напряжения.

— Вызывай гибдешников, пожарных, скорую... В общем, вызывай, — занервничал молодой лейтенант.

Старший был более опытен и молчалив.

Когда все, кто нужен, были вызваны к месту происшествия, огонь потихоньку начал утихать. Невыносимо пахло горьким дымом и раскаленным железом. Милиционеры выбрались из своей машины и подошли к человеку. Но даже издалека было видно, что он мертв.

— Чудила какой-то, — не выдержал молодой.

— Да по пьянке, видать. Сколько их, пьяных, бьется! Нагробут шальных денег, нажрут, и все им по барабану.

Наконец подъехала служба ГИБДД, за ней — скорая и почти следом подскочил черный БМВ. Оттуда высыпало несколько здоровяков неопределенного возраста и, громко переругиваясь, они приблизились к месту происшествия.

— Ах ты, сука, мой мерс! — заорал самый здоровый, от горя едва не сунув свою башку в пламя машины.

— Всем отойти! Ничего не трогать! — тут же последовала команда.

Но здоровила не успокаивался. Глянув на труп, он еще больше взвинтился: — Да это же Верста, сука, мой механик! Чего ему, падле, не хватало! С квартирой я ему помог. Загнал он ее,

гнида, за бешеные бабки. Так зачем же еще мою лучшую тачку угонять?!

На здоровяка было противно смотреть — он причитал над своей машиной, как бабка над уплывшим бельем.

— Слышь-ка, — подошел к почти лишившемуся разума другу его компаньон, — а это... рядом с ним, ну в натуре с Верстой, цепочка какая-то. Не золото?

— Где? — здоровяк подскочил к расколотому медальону.

— Ха! Это же барахло, — идиотски разрыдался он так, что сотрудникам скорой помощи пришлось отпаивать его валерьянкой.

— Отойдите, граждане, разберемся, — теснила расшумевшуюся братву милиция.

Две половинки медальона, уцелевшие каким-то чудом в этом аду, разлетевшись в разные стороны, лежали на горячем асфальте. Влюбленные с маленьких фотографий улыбались всему происходящему радостно и безмятежно.

□

Елена Станиславовна НАУМОВА

родилась в Кировской области.

Окончила Литературный институт им. Горького.

Стихи и рассказы публиковались в журналах и газетах

«Октябрь», «Наш современник», «Москва», «Север»,

«Литературная газета» и «Литературная Россия».

Автор пяти поэтических сборников и двух книг прозы.

Лауреат российских и международных литературных конкурсов.

Член Союза писателей России.

Живет в г. Кирове (Вятка).

